

ЛЮБИТЕЛЯМ музы-
ки памятен
цикл из четырех кон-
цертов Геннадия Пи-
щаева, посвященный
романсам Чайковско-
го. Эти вечера стали
примечательным фак-
том в нашей музы-
кальной жизни бла-
годаря не только ма-
стерству артиста, но
и тонко продуманной
программе. То был
своеобразный лириче-
ский дневник Чайков-
ского.

И вот новая встре-
ча с заслуженным ар-
тистом республики Г.
Пищаевым. На этот
раз в программе кон-
церта в Малом зале
консерватории произ-
ведения западноевро-
пейских мастеров. Это
был концерт удиви-
тельно цельный, глу-
бокий по настроению,
совершенный по ком-
позиции. Лирика —
мудрая и чистая у Ба-
ха, психологически
насыщенная у Шубер-
та, драматизирован-
ная, экспрессивная у
Вагнера, упоенно воз-
вышенная у Листа —

ПРОГРАММУ СОЗДАЕТ ПЕВЕЦ

властвовала над нами
в этот вечер.

Для Пищаева соз-
дание такой целостной
программы — органи-
ческая часть его испол-
нительского творчест-
ва. Вот что говорит об
этом певец.

— В наш динамич-
ный век по-особенно-
му дорожишь внима-
нием слушателя. Нуж-
но очень точно знать,
что ты хочешь сказать
за весь вечер. Просто
исполнить ряд сочине-
ний — этого мало.
Мне кажется, певец,
выступающий с соль-
ным концертом, со-
ставляя программу,
должен стремиться к
созданию своего рода
цикла.

Думается, этот за-
мысел удачно вопло-
щен Пищаевым и в

последнем концерте,
особенно в его первом
отделении. Певец слов-
но рассказал нам в
доверительной беседе,
как одно и то же веч-
но прекрасное чувст-
во любви выразили
Бах и Шуберт, Вагнер
и Лист.

Во втором отделе-
нии в основном зву-
чала музыка итальян-
ских мастеров. И
здесь была выявлена
закономерность в раз-
витии настроения: от
нежной хрупкой лири-
ки Перголези и Скар-
латти к драматичной
арии Родольфа из
оперы Верди «Луиза
Миллер». А заверши-
ла концерт исполнен-
ная на «бис» серенада
Смита из «Пертской
красавицы» Бизе. Ар-
тист словно хотел вер-

нуть нас к началу
концерта — в мир тон-
кой, мягкой и элегиче-
ски светлой лирики.
После концерта я спро-
сил у певца:

— Чем близко вам
камерное исполни-
тельство?

— Мне кажется, что
в камерной музыке,
особенно в пении, со-
кращается дистанция
между исполнителем
и слушателями. Камер-
ное искусство я обыч-
но сравниваю с аква-
релью. Здесь особен-
но нетерпима фальшь.
Нет места и эпигонст-
ву, и самоповторе-
нию — чувство долж-
но быть свежим, все
надо видеть непред-
взято, как бы впер-
вые...

А. КОЧЕТКОВ.